

160 ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Константин
ВАСИЛЬЕВ

г. Санкт-Петербург

ПОД КРЫШЕЙ СВОЕГО ДОМА НА УЛИЦЕ С БЛАГОЗВУЧНЫМ НАЗВАНИЕМ

Некоторые предварительные замечания

Кто дал названия самым известным старинным городам?

Очевидно, кто-то первый предложил: пусть наше поселение будет Афинами, Римом, Лондоном, Москвой, но, согласитесь, нам кажется, будто эти известнейшие именованья появились без людского участия. Возникнув, они прижились и утвердились, они не раздражали население в последующих поколениях. Хотя, если город имеет многовековую историю, очевидно, среди потомков иногда являлся какой-нибудь ниспровергатель и призывал отказаться от *старья*, включая прежние звания и прозвания. Он, единолично или

собрав кучку единомышленников, предлагал топонимические, так сказать, переделки, напирая на прогресс, ссылаясь на новые веяния и предпочтения.

Кто-то искренне жаждал новизны, полагая, что всё новое служит улучшению. Иные обновленцы празднично разглагольствовали, лишь бы чем привлечь внимание к своим особам.

Во многих случаях подоплёкой позывов и призывов к переименованию было и остаётся желание выслужиться и подольститься: тот или иной гражданин возвышает голос и требует, чтобы городам, улицам, учреждениям, летательным аппаратам и плавсредствам были присвоены имена тех властителей и вождей, при которых и под ко-

торами он живёт, и тем самым он стремится *доказать свою преданность с удвоенным усердием*. Усердие обычно вознаграждается продвижением по службе, денежной премией из казны... Некоторые *разгорячившиеся патриоты*, как называл их Николай Васильевич Гоголь, испытывают великое счастье, даже если начальник всего лишь похвалит их и потреплет отечески по щеке.

* * *

Когда люди селились в каком-то месте по своей воле, для своей выгоды, с учётом местных условий, благоприятных для жизни, труда и торговли, удобных для отражения врагов, сразу входило в обиход простое и, скажем так, подходящее название, например: Новгород, Псков, Вологда, Вятка, Смоленск, Углич, Муром, Ростов, Ярославль... В дальнейшем местное население, его большинство, занятое насущными делами, не видело надобности и не отвлекалось на переименования.

Конечно, нельзя не вспомнить случаи, когда народ подчинялся топонимическим преобразованиям, исходящим от своенравного правителя или от властей, настроенных во что бы то ни стало утвердить свои непримиримые понятия. Древний Орешек в истоке Невы стал в одночасье Шлиссельбургом; правителем был Пётр Первый, засоривший русский язык немалым количеством иностранных слов. После Революции большевистские руководители взялись уничтожать памятники и именованья *в честь царей и их слуг*, утверждая, что подобная чистка способствует быстрейшему построению *Светлого будущего*; да и народ, точнее, та его часть, которая превратилась в *народные массы*, требовала, чтобы вместо прежних кумиров, сброшенных с постаментов, были установлены изваяния новых идолов – тех, кто мечтал о коммунизме в тёплом кабинете или в сырой тюремной камере, и тех, кто взялся, со ссылкой на мечтателей, железной рукой насаждать на русской почве обобществление и уравниловку.

Многим улицам были присвоены имена всяческих *борцов за свободу*. Вскоре после Октябрьской революции на Невском проспекте в Петрограде прекратилось трамвайное движение, он перестал освещаться, его не мели и не чистили... Зато с 1918 года он именовался *революционно* – проспектом 25 Октября. На нём, рядом с бывшей городской Думой, был установлен бюст Фердинанду Лассалю. Его же имя присвои-

ли Михайловской улице, соединяющей Михайловскую площадь с Невским проспектом. И площадь тоже получила его имя!

Зачем, из каких соображений понадобилось прославлять Лассалья в России? – удивится нормальный человек. Удивление переходит в недоумение и непонимание: вслед за Лассалем на стогнах Северной Пальмиры были в спешном порядке *увековечены* Робеспьер, Марат, Гарибальди, и даже в захолустных русских городишках новая власть украсила захудалые улочки именами Бабёфа, Бланки, Сен-Симона... Произошёл сдвиг в общественном сознании, которое напрямую зависит от материального положения в обществе, от бытия или, если хотите, от быта. Когда жизнь оказалась, как выразился Сергей Есенин, *в сплошном дыму*, и быт *разворотило бурей*, бесполезно искать здравый смысл и призывать к разумным поступкам.

В 1937 году бюст Фердинанда Лассалья с проспекта 25 Октября был убран – по изменившимся идеологическим соображениям: кто-то спохватился и сделал замечание, что *борец за свободу*, нами почитаемый и увековеченный, не был настоящим марксистом, он всего лишь *мелкобуржуазный социалист*. В 1940 году улица Лассалья стала улицей Исаака Бродского, в 1991-м ей вернули первоначальное название Михайловская.

Лассаль, *деятель немецкого рабочего движения*, не подписывал смертных приговоров, не отправлял людей на гильотину – в отличие от француза Робеспьера, чьё имя неотделимо от казней и кровопролития, его и на родине многие считают *кровавым тираном (tyran sanguinaire)*. Быт у нас налажен, бури случаются только природные. Но какой-то сдвиг в сознании остался. Максимилиан Робеспьер продержался на карте Петербурга куда дольше, чем Фердинанд Лассаль: набережной Робеспьера на Неве вернули прежнее название только в 2014 году, теперь она снова Преображенская. Улица Николаевская, в 1917 году успевшая побыть недолго проспектом Двадцать Седьмого Февраля, до сих пор носит имя Жана-Поля Марата. Видимо, он кому-то по-прежнему мил и дорог. Потому что прослыл *Другом народа* и много восклицал о свободе, равенстве и братстве?

История и идеология

Как вы знаете, в 1938 году даже Москва чуть не перестала быть Москвой: соответствующий клич раздался из уст Николая Ежова, тогдашнего главного опричника – простите, главного охранителя социалистической законности. Он подхватил и озвучил *пожелания трудящихся*, что пришла пора величать нашу столицу Сталинодаром, под таким именем ей предназначено простоять тысячелетия, напоминая всем, что она *колыбель мирового коммунизма*. Доказывая, что советские люди и всё человечество горячо поддержат переименование, Ежов приводил стишки, сочинённые некой заслуженной пенсионеркой, верноподданныческими чувствами расpiraемой:

*Мысль летит быстрее, чем птица,
Счастье Сталин дал нам в дар.
И красавица столица
Не Москва – Сталинодар!*

Угодническое поползновение товарища Ежова отклонил, как я понимаю, сам товарищ Сталин, но, думаю, главное в том, что у многих возникло чувство неприятия. Москва имела естественное начало, она носила имя, никого и ничто не прославляющее, то есть такое, которое не смущало, не обижало, не задевало ту или иную политическую или религиозную группировку. Москва простояла под своим *родным* названием несколько веков, так что переименование и Сталину, и обществу, и не совсем узколобым партийцам виделось перегибом, плевком на всю историю государства Российского.

Иное отношение к именованию населённого пункта, возникшего по прихоти какого-либо деспота где-то у чёрта на куличках, в местности, до того мало кому приглянувшейся для постоянного проживания, где нет пахотных земель, полезных ископаемых, строевого леса и строительного камня, где нездоровый климат, где плоское и низкое побережье вдоль морского залива то и дело затапливается и сам залив зимой замерзает, прекращая всякое водное сообщение, и в этот пункт жителей завезли насильно... Не намекаю ли я на Санкт-Петербург? Я, не прячась за намёки, указываю именно на город в устье Невы, первоначально названный по высочайшему требованию Сант-Питер-Бурхом. В 1914 году его перекрестили по царскому указу в Петроград. В 1924 году он стал, по решению верховной власти, Ленинградом, после чего, в советский пери-

од, хотя и не отрицалось, что это *Петра творенье*, усиленный упор делался на то, что это *колыбель революции*. Выпячивалось революционное первенство и главенство Ленинграда: здесь в тайных обществах замышлялись государственные перевороты, здесь подпольщики готовили покушения на высокопоставленных особ, здесь происходили забастовки и выступления против царских властей, здесь в феврале 1917 года народ восстал и свергнул монархию, здесь осенью того же года совершилось *величайшее историческое событие* – Октябрьская социалистическая революция.

Улица имени субъекта или объекта

Вроде бы нет нужды приводить всем известные исторические сведения. Будучи филологом, я обозначил темой своего очерка городские названия, имея в качестве инструмента грамматику русского языка, мне и нужно бы сразу начать с грамматики, но без привлечения истории и политики в данном случае никак не получается. Повальные переименования в России начались почти сразу после того *величайшего исторического события*, они проводились именно под идеологическим давлением, по указке политического руководства или с оглядкой на оное, отсюда все эти Лассали и Робеспьеры, Мараты и Бабёфы, Марксы и Энгельсы, Бланки и Менье... А это кто такой – Менье? Или Меньё? Тратить время на выяснение нет нужды, примем только к сведению, что в Астрахани с 1920 по 1938 год одна из улиц русского города прославляла имя какого-то француза с указанной фамилией, видимо, тоже *боровшегося за всемирное счастье*.

За искривлением в мозгах последовало сильнейшее коверкание русского языка, и от долгого употребления коверкания превратились вроде как в норму.

Наверно, автор очерка напирает на то, что в русские названия внедрили множество иностранных фамилий?

Нет, фамилий и имён на уличных указателях всё-таки больше русских. Я имею в виду, что до Революции улица могла называться Андреевской, Ивановской, Петровской, но никак не улицей (имени) товарища Андреева, (имени) писателя Иванова или (имени) революционного демократа Петрова. Переулок был Гончарным, Столярным, пусть даже Грязным, но только не переулком, названным в честь такой-то годов-

щины образования того-то или многолетия чего-то. Всем известный Невский проспект в Петрограде, я повторяю, был переименован в проспект 25 Октября, через какое-то время Садовая улица стала на два десятилетия улицей 3 Июля... Их называли календарными датами!

Когда-то слобода, населённая стрельцами, была для всех Стрелецкой, проулок с дегтярным производством звался Дегтярным, к церкви вела Церковная улица, к рынку – Рыночная, вдоль озера тянулась Озёрная набережная – естественным образом использовались уместные прилагательные. После государственного переворота в 1917 году и в умах произошёл переворот, в результате чего уличные названия стали награждением существительных: улица (имени) такого-то Интернационала, проспект (имени) такого-то десятилетия Октябрьской революции или (имени) такого-то по номеру партийного съезда. Для полного абсурда оставалось присваивать отличившимся гражданам, например, Иванову и Сидорову, имя заслуженного товарища Петрова, населённые пункты называть из патриотических соображений именем города трёх революций, то есть того же Ленинграда... Собственно, до нелепостей и дошло: одним учреждениям давали в виде особой почести названия других учреждений. Как так? Привожу пример: Театр имени Ленсовета. Одним государственным учреждением в Ленинграде был Ленинградский городской совет, вторым – театральный коллектив в здании на проспекте имени Семёна Нахимсона, и творческий коллектив вкуче со зданием и всей его театральной начинкой носил и, кстати, до сих пор носит название первого учреждения. Есть в современном Петербурге, бывшем Ленинграде и Петрограде, завод по переработке пластмасс имени «Комсомольской правды». Вдумайтесь: завод имени газеты!

По-прежнему в городах по всей России остаются улицы, названные какой-нибудь календарной датой, каким-либо объектом или субъектом – под субъектами я имею в виду людей, которых когда-то нам предписывали почитать и громогласно прославлять, хотя, если разбираться, не все они заслуживали почтения и прославления.

На берегу пустынных волн...

Город в устье Невы, основанный по своеволию Петра Первого без учёта природных условий и государственных интересов, получил, по его же

прихоти, нерусское название *Сант-Питер-Бурх*, и, будучи нерусским и замысловатым, оно воспроизводилось по-разному не только в устной речи, но и в документах; сам царь писал *Санктъ-петербурк* или *Питербурхъ*, были другие написания, отражавшие отчасти шведское, отчасти голландское произношение, и только после смерти Петра остановились на чисто немецком варианте *Санкт-Петербург*.

Предвидятся возражения: царь Пётр лучше разбирался в государственных интересах, нежели автор этого очерка! Я не берусь обсуждать совокупность петровских преобразований, я ограничиваюсь замечаниями о граде *Петрове*. По-моему, мнение о безусловной необходимости и значимости Петербурга возникло, главным образом, под впечатлением поэтических восклицаний. Мы подпадаем под обаяние известных строк в известной поэме: Александр Сергеевич Пушкин весьма живописно передал мечтания Петра, взорающего на *мшистые, топкие берега*:

*Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твёрдой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.*

Прочитав, можно подумать, и многие именно так себе представляют, будто до Петра у России не было никаких связей с европейскими государствами, что мы глухим забором от Европы отгораживались. Возражая, напомним для примера, что новгородцы и псковичи издавна вели бойкую сухопутную торговлю через Ригу и Ревель со всей Европой. До того как воцарился Пётр, англичане и голландцы завозили к нам одни товары и увозили другие через Архангельск, имея на берегу Белого моря и в Москве свои конторы. Задолго до этого существовал водный путь из *варяг в греки*, идущий через всю Русь... У Пушкина в рукописи – *на зло*, я позволю себе писать слитно; используя наречие, выскажу следующее соображение: если что-то делается *назло* кому-либо, дабы *грозить* кому-то, последствия бывают плачевные для самого себя. Опасаясь *надменных соседей*, во все времена люди возводили на границе заставы и крепости, оборонительные валы, как Адрианов вал в Брита-

нии. На мшистых и топких берегах Финского залива царь приказал построить большое поселение и наполнить его привозными людьми, затем едва оперившемуся городу не *природой суждено*, но прихотью самодержца было назначено стать столицей Российской империи.

Когда город *умышленный*, как, по-моему, очень удачно выразился Фёдор Михайлович Достоевский по поводу Петербурга, вся его жизнь протекает с отклонениями от естественных законов. Санкт-Петербург не сросся с остальной Россией, существуя особняком. Вся страна стала придатком к новоиспечённой столице. Думаю, даже тот, кто безоговорочно прославляет все петровские нововведения и преобразования, согласится, что *град Петров* нельзя назвать сердцем или душой России. Отсюда исходили указы и законы, нужные и полезные с точки зрения должностных лиц, не всегда русских, которые составляли их в петербургских канцеляриях и департаментах. Означенные указы обсуждались, дорабатывались, подписывались в петербургских министерствах, затем утверждались в петербургских царских дворцах; при усилении самовластия они исходили напрямую от монарха. Но их применение необязательно приносило пользу в местах, имеющих мало общего с мшистыми берегами Финского залива и с мышлением столичных законотворцев. В срединных русских землях российское население существовало в иных природных условиях, оно имело иной жизненный уклад; в Сибири и на Дальнем Востоке русские поселенцы соседствовали с племенами, сохранявшими свои первобытные обычаи и законы.

Вслед за Пушкиным мы готовы повторять: «Люблю тебя, Петра творенье» – однако, если уж строить своё мировоззрение на поэтических образах, следует помнить, что Пушкин, любуясь *стройным видом* петербургских улиц и зданий, указал и на местный *дух неволи*:

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид...*

Я не вижу оснований для безграничного прославления и безмерного умиления: спасибо нашему Петру Великому, создателю *северной Венеции*, и как замечательно, что он велел всем бороды брить, носить парики и немецкие камзолы, без его реформ мы, обрастая бородами, до сих пор ходили бы в лаптях и деревянными ложками щи хлебали из общего котла в курных избах.

Сегодня нашлись исследователи, которые воз-

ражают и даже называют мифом то, что Петербург *построен на костях*. Я сведениями о людских потерях не располагаю; я провожу историческую канву только для более убедительного обоснования своих грамматических доводов. Не хочу также попасть в число тех, кто сегодня *открывает глаза* публике своими находками и *новыми* разысканиями. Задолго до меня Николай Михайлович Карамзин усомнился в том, что основание Петербурга имело пользу для России. Историк высказался куда резче моего. Он пишет про слёзы и трупы, не сомневаясь, что было и то и другое:

«Утаим ли от себя ещё одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осуждённых природою на бесплодие и недостаток. <...> Он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действие сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы, обыкновенно, среди мест плодоснейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России он видит прекрасные равнины, обогащённые всеми дарами природы, осенённые липовыми, дубовыми рощами, пересекаемые реками судоходными, коих берега живописны для зрения, и где в климате умеренном благорастворённый воздух способствует долголетию, – видит и, с сожалением оставляя сии прекрасные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствует бедность, уныние, болезни. Там обитают государи российские, с величайшим усилением домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти!»

Развал Российской империи начался со смуты, заварившейся именно в Петербурге, в том 1917 году, известном уже как Петроград, – переименование *потребовалось* в начале Первой мировой войны, когда *немецкое* название российской столицы выглядело нелепо и даже предательски во время вооружённой борьбы с Германией. Перенесение правительственных учреждений обратно в Москву в марте 1918 года не следует считать блажью или злоухищрением большевиков: и они сознавали, не ведая, скорее

всего, о доводах Карамзина, что управлять огромной страной удобнее, лучше, безопаснее из Москвы, откуда, как гласит русская пословица, *как с большой горы всё видно*.

Переименование Петрограда в Ленинград кажется мне звеном всё той же цепи: городу было суждено или, как говорят у нас, *на роду написано* испытывать перетряски и переустройства. По отношению к Петербургу со всеми его дворцами, построенными иностранцами, со всеми венценосцами, особенно худосочными правителями и любвеобильными правительницами, в своё время являвшимися к нам из Курляндии или Пруссии, со всем дворянством, предпочитавшим иностранные языки, одежды, яства и манеры, так и тянет назвать петербургские потрясения, перевороты и переименования нерусским словом *метаморфозы*.

Слово о культуре

Когда в 1991 году Ленинград решили снова переименовать, я подумал: появилась возможность закрепить за городом русское название. Тем более что с 1914 по 1924 год он уже назывался Петроградом. И мы бы говорили сейчас: на улицах и площадях Петрограда, гулять по Петрограду, любоваться Петроградом, кто-то пишет и сочиняет стихи о Петрограде. Намного благозвучнее, чем *Санкт-Петербург* в именительном и остальных падежах. Но, понятное дело, меня никто не спросил. Новые политики спешили показать себя решительными преобразователями, и мы снова оказались с *немецким* именованием. Неким утешением, наверно, нужно считать прозвище культурная столица взамен *город трёх революций и колыбель революции*. Видимо, означенный статус присвоили Петербургу, имея в виду театры с наполняемостью залов, высшие учебные заведения со множеством зачисленных студентов; учитывалось также число посетителей в знаменитых музеях, разместившихся в красивых зданиях – бывших царских дворцах, бывших аристократических особняках и в пригородных резиденциях, где монархи и господа когда-то, не отказывая себе ни в каких удовольствиях, *пировали на просторе*.

Показателем культуры, как я полагаю, является не количество культурных учреждений и не обилие статей и диссертаций о пользе и надобности культуры, а поведение людей, их взгляды, в том числе на прошлое своей страны, их суждения об

исторических событиях и выдающихся деятелях. Взгляды и суждения должны быть продуманными и взвешенными. Есть и мера для определения, какие поступки считать благими, какие неблагими, эта мера – человеческая жизнь. Когда сегодня кто-то перевозит Ивана Грозного и требует ставить ему памятники, можно, конечно, предположить, что зачинщик пребывает в неведении, но незнание не является извинением.

Не впадая в умиление и квасной патриотизм, нужно познакомиться хотя бы вкратце с делами, коими *прославился* сей правитель. Когда Карамзин пишет, что *Иоанн IV превзошёл самого себя в лютых убийствах*, он приводит факты, например, описывая военный поход, затеянный – нет, не против внешних врагов, против собственного народа: «В декабре 1569 года он <...> пришёл в Клин, первый город бывшего Тверского великого княжения. Думая, вероятно, что все жители сей области <...> суть тайные враги Московского самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабёж там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали Государя как отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни жён, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнажёнными мечами, обагрывая их кровию бедных жителей, до самой Твери <...>. Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали лёгкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть хана Узбека совершалась над их предками. Многие литовские пленники, заключённые в тамошних темницах, были изрублены или утоплены в прорубях Волги <...>. Вышний Волочёк и все места до Ильменя были опустошены огнём и мечом. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того, что поход Иоаннов долженствовал быть *тайною* для России!»

Далее Карамзин повествует о зверствах царя и его опричников в Новгороде... Но нынешних прославителей, похоже, ничуть не смущают казни, чинимые Иваном Грозным, и для них не человеческая жизнь, а что-то иное является мерилом, когда они требуют *увековечить* его в бронзе или украсить его именем какую-нибудь улицу. По какой-то причине они делают вид, что им

неизвестен памятник Тысячелетию России, воздвигнутый в 1862 году, – при царской, подчёркиваю, власти: среди сотни с лишком исторических деятелей на памятнике есть изваяние первой жены Ивана Грозного, есть фигуры священника Сильвестра и воеводы Алексея Адашева, людей из его окружения в первые годы правления, но ни император Александр II, ни царские сановники и чиновники, участвовавшие в обсуждении проектов и в строительстве памятника, ни ваятели, чей проект был утверждён императором, не осмелились, не отважились, у них не достало духу... Наверно, лучше выразиться так: они сочли неуместным причислить самого Ивана Грозного к тем, кто способствовал величию России и заслуживает доброй памяти.

Кого прославлять?

У Достоевского в романе «Бесы» есть замечательная фраза: «Мы надевали лавровые венки на вшивые головы». Высказывание, по-моему, очень подходит к той лихорадочной возне, которая затеялась в нашей стране после Революции: героями были объявлены огульно все, кто боролся, пусть всего лишь на словах, против прежнего правления; бюсты борцов спешно расставлялись по площадям; их имена давались улицам и учреждениям.

На вопрос о том, кого считать героем и выдающейся личностью, ожидаются весьма разные ответы, подкреплённые разными обоснованиями. Сегодня не 1917 год, когда народ ополоумел, оказавшись, как выразился Есенин, *в гуще бурь и выюг*. Наше зрение не затуманено *сплошным дымом*, и нам следует признать, что возвеличивание некоторых *пламенных революционеров*, отечественных и иноземных, было недомыслием в сочетании с безнравственностью.

В феврале 1905 года Иван Каляев бросил взрывное устройство в карету, в которой ехал великий князь Сергей Александрович; взрывом убило не только князя, погиб также кучер, простолудин, каретой управлявший. Кто-то из современников, нравственно нечистоплотных, сразу провозгласил Каляева героем, кто-то приводил *смягчающие обстоятельства*: он не разбойник с большой дороги, жадный до чужих денег, Каляев ради благородной идеи действовал! Скажу уверенно: идею нельзя считать благородной, если ради неё кого-то убивают. Даже если кто-то отдал свою жизнь за идею, это тоже не доказа-

тельство, что она велика и благородна. Закономерно, что Каляева за совершённое убийство казнили. С моей точки зрения, было поправимее нравственности то, что большевистские власти установили ему памятник в Москве в первую годовщину Октября. В 1923 году Захарьевская улица в Петрограде была переименована в честь Каляева и *увековечивала* его до 1991 года.

От Дворцовой площади до Марсова поля ленинградцы ходили по улице Халтурина, зная из учебников истории, из путеводителей по Ленинграду, из исторического романа в серии «Жизнь замечательных людей» о *подвиге* сей замечательной личности: Степан Халтурин, *пламенный революционер*, устроившись на работу в Зимний дворец, собирался убить самого императора. Потом царские ищейки его выследили, царские палачи его повесили, он стал ещё одной жертвой самодержавия, народ помнит и чтит благородного народовольца, присвоив его имя Миллионной улице...

Большинство из нас не ведало, что при неудачном покушении на Александра II взрывом убило одиннадцать солдат Финляндского полка, нёсших службу в Зимнем дворце; мало кто знал, что Халтурин участвовал ещё в одном убийстве в Одессе. При советской власти в общественном сознании гнездились, крепко укоренившись, то самое оправдание: революционеры делали всё ради благородной идеи, ради свободы и братства, ради коммунизма, ради счастливого будущего!

На вопрос, вынесенный в заголовок главы, отвечаю: прославлять никого не нужно – в городских названиях, по крайней мере. Названия возникали, как я уже сказал, естественным образом: слобода Немецкая, потому что её основали выходцы из Германии; улица Кожевенная, потому что там кожевенные мастерские; переулок Басманный, потому что в нём проживают преимущественно басманщики, занимавшиеся тиснением узоров на листовом серебре. Название сообщало о сословию или профессии тех, кто на данной улице преобладает: Боярская, Дворянская, Мещанская, Офицерская, Солдатская, Кучерская. Селенье за рекой становилось Заречьем. По мере того как разрасталось поселение, местные жители давали новым проходам и проездам иные названия: Ивановская улица у нас уже есть, новую назовём Андреевской или Петровской – не для прославления каких-либо определённых персон, не ради политической агитации, но чтобы не возникало путаницы, и для дальнейшего удобства позже ввели нумерацию домов: чтобы точно указывать, знать, искать, где проживает такой-то человек, где нахо-

дится такое-то учреждение или производство. При этом, повторяю, для названий использовались прилагательные: площадь Красная, Торговая (в древнем Пскове она носит сегодня имя Ленина), улицы Колокольная, Каретная, Литейная, переулоч Столярный, Слесарный, Цветочный...

Мы как будто забыли об этом, мы вместо простых и удобных указателей выписываем и выговариваем тугим канцелярским слогом: проспект Ленинского комсомола, площадь 50 лет Октября... При этом мы превратили городские названия в предмет политических споров, эти споры не рожают никакой истины. Разногласия способствуют ожесточению и разделению общества на непримиримые группы и группировки. Сегодня мы провозглашаем, что должен быть не однобокий, но многосторонний подход к нашей истории, без непримиримой окраски в чёрное или белое, и нельзя делить участников прошлых событий на хороших и плохих. Тогда давайте восстановим, так сказать, историческую справедливость: в сегодняшнем Петербурге есть проспект Большевиков, и мы назовём, однобокость устранив, какую-нибудь городскую магистраль проспектом Меншевигов. И, тоже ради непредвзятого подхода, имея в городе Красноармейскую улицу, Красногвардейский мост и Краснофлотскую набережную, добавим к ним бульвар Белогвардейцев и, например, переулок имени Нестора Махно (он ведь тоже боролся за некую правду и справедливость).

Предвижу, что подобные предложения внесут ещё больше ожесточения в наши политические и исторические споры, вместо примирения они послужат разъединению общества. Отсюда моё спокойное, взвешенное предложение: согласуясь с русской грамматикой, используя прилагательные, будем называть улицу Армейской, Гвардейской или Флотской. Если кому-то кажется, что всё вокруг должно способствовать патриотическому воспитанию, он может смело считать, что эти названия подразумевают нашу армию, русскую гвардию и российские военно-морские силы.

**Грамматический подход,
разумный, удобный
и
способствующий
общественному спокойствию**

В городских названиях нарицательное существительное – *улица* должно иметь при себе прилагательное женского рода: улица Андреевская, Васильевская, Апрельская, Майская,

Южная, Восточная, Ягодная. К существительному *площадь*, которое в русском языке тоже женского рода, подбираются названия из огромного запаса прилагательных: Вокзальная, Торговая, Сенная, Минская, Парижская, Пушкинская, Церковная, Ямская.

Для приморской набережной украшением будет уместное прилагательное женского рода: Капитанская, Корабельная, Лодочная, Нахимовская, Парусная, Севастопольская, Флотская, Якорная, Яхтенная.

В названии проспекта, переулка и проезда требуется прилагательное в мужском роде. Например: Московский, Петроградский, Ломоносовский, Суворовский проспект; Хлебный, Дровяной, Кузнечный, Мучной, Скобяной, Соляной переулок; Трамвайный, Фонарный, Каретный проезд.

В старых городах встречаются тупики, для них уместны прилагательные мужского рода: Бочарный, Мытный, Прачечный, Глухой. При этом хорошо и правильно, когда название напоминает об определённой прослойке населения, о промыслах и ремёслах, которыми занимались местные жители: улица Купеческая, Рабочая, Артельная, Поморская, Монетная, Пороховая, Земледельческая; переулок Певческий, Посудный, Пушкарский, Самоварный, Свечной; проезд Ткацкий, Глинобитный, Складской, Печной, Фабричный.

Мост может быть Крымский, Литейный, Большой и Малый Каменный, Измайловский... В советские годы в Ленинграде был мост Лейтенанта Шмидта, названный так в 1918 году в честь Петра Петровича Шмидта, *революционного демократа*, возглавившего восстание на крейсере «Очаков». Как мы видим, некоторые нынешние историки описывают революционные события в Севастополе в 1905 году без однозначного одобрения, которое присутствовало в исторических трудах и школьных учебниках в советский период; не отвлекаясь на споры вокруг лейтенанта Шмидта, скажу только, что теперь мост через Неву снова называется Благовещенским – и благозвучно, и правильно с точки зрения русской грамматики.

В названиях не должно быть существительных в родительном падеже. Сей падеж указывает прежде всего на принадлежность. Сказав: дом Иванова, мы имеем в виду, что некий Иванов – владелец этой постройки, этого жилья. Переулок, улица или проспект никому лично не принадлежит, но у нас в силу недомыслия, казённого подхода или низкопоклонства получили распространение наименования: улица Петрова, проспект

Сидорова, площадь Алексеева, бульвар Новаторов, проезд Геологов. В подобных случаях, строго говоря, требуется использовать *имени*, например: улица имени Чапаева, проспект имени Карла Маркса, бульвар имени Строителей, но, согласитесь, если каждый раз так писать и произносить, будет тупая канцелярщина.

Название должно склоняться по всем падежам, следуя правилам русской грамматики: Майская улица, нет краше Майской улицы, взгляните на Майскую улицу... В Петербурге есть улица Турку. Кое-кто по незнанию видит связь с какими-то турками, кто-то уверенно объясняет: так назвали в честь финского города Турку, ставшего побратимом Ленинграда, поэтому его и внесли в своё время в ленинградскую топонимику. В русском языке это имя собственное не склоняется, от него невозможно образовать прилагательное; городским объектам подобные именованья давать не следует. Каким образом сообщить, что у вашего города есть побратимы? В городском совете повесьте памятную доску с указанием всех родственных и дружественных мест, включая Турку, рядом с мраморной доской, на которой выбиты имена лиц, которые на сегодняшний день считаются местными знаменитостями, которые в городе проживали, работали, занимали такие-то должности. При необходимости в такой список легче вносить переделки, нежели при изменившихся обстоятельствах и взглядах снимать по какой-то улице старые таблички с именем прежнего кумира, изготавливать новые, исправлять адреса, паспорта и всяческие официальные документы.

Следует в первую очередь избавиться от таких названий, в которых по два, а то и по три существительных: улица Строителя Иванова, площадь Писателя Петрова, набережная Мичмана Сидорова. Примером казёнщины и недомыслия являются именованья с числами и сокращениями, а таких много по России: улица (имени) 20 Партсъезда, улица (имени) 40 лет Октября, улица (имени) Жертв 9 января... В крымском посёлке Гурзуф, куда я ездил когда-то в летнее время, была короткая улочка с простым и объяснимым названием Зелёная. В следующий приезд, видимо в 1983 году, проходя мимо тех же заборчиков, я обратил внимание на новые таблички: улица 60 лет СССР. Если бы на моём месте оказался Николай Васильевич Гоголь, он, любитель преувеличений, съязвил бы: улица была короче своего названия.

Благозвучие

Насчёт благозвучия тоже предвидится столкновение противоположных мнений, ибо одним по душе симфоническая музыка в небольшом зале, другим по сердцу малопонятные выкрики и рёв электромузыкальных инструментов, разносимые через мощные динамики для набитого до отказа большого стадиона. Ограничусь личными оценками: мне режет слух название, если в нём несколько шипящих и свистящих звуков. Требуется некоторое речевое усилие, чтобы выговорить без запинки (и написать без орфографической ошибки) слово, в котором больше трёх идущих подряд согласных. Эти недостатки совмещаются в таких названиях, как, например, *Шлиссельбургский, Большевикский*.

Благое звучание имеют слова, где примерно равное количество гласных и согласных: улица Боровая, Булатная, Кольская, Карельская, Олонецкая, Полярная, Ружейная; площадь Заводская, Конная, Московская, Новгородская, Театральная, Церковная; переулок Бумажный, Больничный, Льянной, Смоляной; набережная Мореходная, Прогулочная, Рыбная, Товарная.

Прилагательное, используемое в названии, не должно быть чрезмерно длинным. Я живу на Измайловском проспекте (с 1923 по 1944 год он назывался проспектом Красных Командиров), и в нашем Адмиралтейском районе (в советское время он делился на Ленинский и Октябрьский районы) есть Малодетскосельский проспект: он назывался когда-то Малым Царскосельским, но в 1918 году Царское Село переименовали в Детское Село (с 1937 года и поныне это город Пушкин), в связи с чем подправили и название петроградской улицы... Я вновь и вновь напоминаю вам о прошлых топонимических переделках, которые производились иногда по несколько раз. Думаю, вы со мной согласитесь, что эту практику можно назвать чехардой, которая вносила путаницу в умы и требовала денежных затрат. Так вот, когда читаешь или выписываешь название вроде составного прилагательного Малодетскосельский, невольно возникает предложение уменьшить количество букв. Обывателям и всем городским службам начиная с почтовой и паспортной будет во всех отношениях удобнее, если улица называется Малой, Детской, Сельской или, так и быть, Царскосельской.

Старая карта города Петрозаводска

Не имея возможности обратиться к широкому читателю или зрителю, я изложил как-то свой грамматический подход к городским именованиям в небольшой публикации. Отклик последовал один – в виде совета, что нужно исходить из общей практики, которая отчётливо видна, если взглянуть на карту любого российского города. На карты я уже насмотрелся: чуть ли не в каждом населённом пункте в названиях преобладает то, что характерно для канцелярского стиля, а именно *нанизывание форм родительного падежа*: проспект (имени) Гражданина Петрова, улица (имени) Писателя Иванова, переулок (имени) такого-то Красного Командира или (имени) такого-то Десятилетия такого-то События... Если большинство считает это нормальным, к чему *мой глас вопиющего в пустыне*, то бишь тщетные взывания? Однако, не опуская руки, расскажу следующее: в своё время я составлял очерк о словах, выражениях, песнях и былинах, записанных, собранных, изданных Павлом Рыбниковым и Александром Гильфердингом, при этом я рассматривал с интересом старые географические карты Олонецкой губернии. Разбираясь, почему петрозаводцы прослыли *боскоедами*, я по ходу дела взглянул на карту до-революционного Петрозаводска, и сейчас я предлагаю вместе вернуться к плану города, каким он был в 1854–1870 годах.

Смотрите: улицы Английская, Соборная, Садовая, Вытегорская, Большая и Малая Слободская.

Длинную Александровскую улицу пересекали Мариинская, Малая и Средняя Голиковская... Полагаю, следующие названия были даны не лишь бы как, но с привязкой к местным природным особенностям или близости к определённому городскому объекту: улицы Полицейская, Почтамтская, Угольная, Казарменная, Заводская, Малая и Большая Набережная (по берегу Онежского озера). Существовала Кладбищенская улица; не каждому обитателю понравится постоянное напоминание о бренности жизни, но, похоже, означенный проезд, протянувшийся вдоль кладбища, прилегал с противоположной стороны к заводским цехам и воинским казармам, где не было жилых домов; в наше время, если путь к последнему пристанищу пролегал только мимо гаражей, складов и сараев, почему ему не зваться Кладбищенским, нежели проездом Строителей, Энергетиков или Энтузиастов?

Так или иначе, я не нашёл на плане старого Петрозаводска ни одного названия, где бы использовалось существительное в родительном падеже, и, тем более, я не увидел ни одного случая с канцелярским *нанизыванием* нескольких существительных. В начале своего очерка я посетовал, что в именованиях у нас стало нормой искажение русского языка. Думаю, что вполне осуществимо вернуться к тому, что разумно, удобно и грамматически правильно.

Выделения в тексте автора.

Константин Борисович ВАСИЛЬЕВ -

живет в Санкт-Петербурге.

Окончил Ленинградский университет.

Его первые очерки, рассказы и переводы печатались в журнале «Костер».

Филолог по образованию, написал ряд пособий по английскому языку, в издательствах «Эксмо» и «Астрель» выходили его самоучители «Легкий английский», «Полезный английский» и «Живой английский», школьный курс «Ваш любимый английский».

Готовил к печати книжные серии «Русская словесность» и «Наследие» для издательства «Азбука».

